

**С.Е. ПАУЛСОН (США)**

## **ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ НЕЛЕГКАЯ СРЕДИНА: ЛУИЗА АДАМС О ЖИЗНИ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1810–1812 годах**

В последние годы в исторических кругах заметно оживился интерес к эпохе Александра I. В 2013 г. Историческое общество Массачусетса (MHS) впервые опубликовало источник, представляющий несомненный интерес для историков александровской поры. Это объемная сводка дневниковых записей Луизы Адамс, жены Джона Квинси Адамса, в 1810–1813 гг. являвшегося посланником США в России. Записи Л. Адамс о жизни в Петербурге до сих пор были мало использованы исследователями, поскольку рукописи-оригиналы требовали чрезвычайно кропотливой работы по расшифровке. В 1840 г. г-жа Адамс предприняла попытку свести свои дневники в один сборник, озаглавленный “Приключения Никого”, но он так и не увидел света<sup>1</sup>. Окончательная расшифровка и публикация текста, выполненная MHS, сделала “Приключения” доступными, и они дополнили существующие знания о правлении Александра I.

Семья Адамсов прибыла в Петербург осенью 1809 г., когда “дней Александровых прекрасное начало” уже кануло в Лету. Александр Павлович находился на троне восемь лет. Тильзит, невыгодная для России торговая политика и военные расходы серьезно подорвали его былую популярность. После Тильзита при дворе императрицы-матери Марии Федоровны, ставшей главным критиком сына, образовалась оппозиционная “партия”. “Императрица... из пустого своего тщеславия, которое всегда побуждает ее заискивать перед обществом, первая подала пример недовольства... Вокруг нее собираются все недовольные, и они перевозносят ее до небес. Никогда еще ее двор не был столь великолепен, никогда не приезжало к ней в Павловск столько визитеров”, – обеспокоенно писала жена Александра I царица Елизавета своей матери 29 августа (10 сентября) 1807 г. Великая княгиня Екатерина поддерживала матушку, полагая, что игры брата с Наполеоном унизительны и способны нанести стране лишь ущерб. По столице поползли слухи (пусть и беспочвенные), что у России скоро будет новый монарх<sup>2</sup>. В таких условиях Александру приходилось лавировать, принимать меры для укрепления собственных позиций. Современники вспоминали, что петербургские сезоны того времени отличались невиданным блеском. Балы и празднества создавали иллюзию общей стабильности и процветания. Царь появлялся на них, излучая благополучие и даря знаки внимания своим подданным. Он использовал личную дипломатию для решения политических задач и поисков союзников.

Наперекор критикам Александр I согласился на встречу с Наполеоном в Эрфурте. Однако ни у кого не должно было даже возникнуть мысли, что государь идет у французов на поводу. Дабы подчеркнуть независимость от Парижа, вскоре после Эрфурта, в 1809 г., в Петербург был приглашен Фридрих Вильгельм Прусский. Новый раунд

---

*Паулсон Светлана Евгеньевна* – Ph.D. по истории, Associate Professor of History, Университет южного Арканзаса, США.

<sup>1</sup> *Allgor C. A Republican in a Monarchy: Louisa Catherine Adams in Russia.* – *Diplomatic History*, Winter 1997, v. 21, № 1, p. 24–25.

<sup>2</sup> Елизавета и Александр. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны, 1792–1826. Сост., перевод и комментарии Д.В. Соловьева. М., 2013, с. 133.

банкетов, балов, театральных представлений и личной дипломатии Романова длился целый месяц и принес определенные результаты. “Общество, которое не так давно критически относилось и к царю, и к пруссакам... поддержало Александра, полагая, что, воздавая почести жертвам козней Наполеона, он бросает вызов французам”, – отмечал британский историк А. Палмер<sup>3</sup>.

В контексте этих событий приезд в Россию первого представителя США в ранге посланника имел большое значение. Торговля с Америкой была особенно важна в обстановке хаоса, творившегося в Европе. Кроме того, установление теплых отношений с американским посланником давало царю дополнительную возможность подчеркнуть самостоятельность своего политического курса. Сложно сказать, чего ожидал государь лично от Адамсов. Сами же супруги-американцы не сомневались, что пребывание в Петербурге станет для них нелегким испытанием. Джон Квинси имел опыт работы не только в европейских столицах, но и в городе на Неве. В 1780-х годах, еще юношей, он служил секретарем при неудачной миссии Френсиса Дейны в России и о нравах этой страны и трудностях, с которыми здесь сталкивались иностранцы, знал не понаслышке. Тем не менее он вернулся сюда в сопровождении жены, свояченицы и двухлетнего сына. В дипломатическом корпусе начала XIX в. такое было не принято. Обычно дипломаты отправлялись на службу в Петербург в одиночестве, оставив семью дома: их пугали и тяжелый климат, и дороговизна жизни.

Адамс рассчитывал, что супруга вполне справится с новой для нее ролью, поскольку она была вместе с ним на предыдущих дипломатических заданиях и зарекомендовала себя как женщина, которая умеет занять достойное место при дворах августейших особ. Родившись в Лондоне в семье торговца-американца и англичанки, Луиза Джонсон детство и юность провела в Англии и Франции. В три года ее отдали в пансион в Нанте, и она блестяще овладела французским языком. Продолжив обучение в лондонской школе, девушка стала одной из лучших учениц и единственной, кто штудировал столь серьезные трактаты, как “Утерянный рай” Дж. Милтона и “Самопознание” Дж. Мэйсона<sup>4</sup>. В 1790 г. ее отца, Джошуа Джонсона, назначили генеральным консулом США в Англии. В родительском доме Луиза привыкла к общению с влиятельными людьми – как американцами, так и европейцами. После замужества прекрасный французский и умение держаться в обществе помогли ей адаптироваться к жизни дипкорпуса. При берлинском дворе г-жа Адамс сумела завоевать к себе такую симпатию, что британский посол просил ее выполнять функции “хозяйки” и его представительств<sup>5</sup>.

Собираясь в Петербург, Луиза понимала, что там все будет иначе, чем в полюбившемся ей Берлине. Северная столица имела репутацию города, где холодно всё: климат, двор, высший свет; где формальности этикета – закон. Официальное представление семьи посланника должно было пройти безупречно. На первый визит во дворец Луиза ехала “со сбивчивым пульсом”, облаченная в туалет серебристых и багряных тонов на фижмах. После краткого представления августейшей чете ее ждала императрица-мать. Мария Федоровна носила уже некаркасные платья<sup>6</sup>. В моде российской столицы преобладали античные силуэты и светлые тона. Судя по всему, из-за “непетербургского вида” жены американского посланника императрица приняла ее за простушку.

В дневнике Луиза описывает их беседу с долей сарказма: “Она приняла меня очень милостиво, но, очевидно, собиралась подтрунить над моим невежеством, потому что задавала мне множество вопросов о впечатлении, произведенном на меня чудесами, кои повсюду попадались на глаза в Петербурге. Я убедительно выразила свое восхищение всем и при этом упомянула, что видела Лондон, Париж, Берлин и Дрезден... но

<sup>3</sup> *Palmer A. Alexander I: Tsar of War and Peace. London, 1974, p. 179.*

<sup>4</sup> *O'Brien M. Mrs. Adams in Winter. New York, 2011, p. 85.*

<sup>5</sup> *Ibid, p. 156.*

<sup>6</sup> *Memoirs of John Quincy Adams, Comprising Portions of His Diary from 1795 to 1848. Ed. by C.F. Adams, v. II. Philadelphia, 1874, p. 55.*

что, конечно, я [не видела] города, равного по красоте Петербургу. – Ах, боже мой, вы видели все!!! – Она оказалась очень расстроенной этим. Ожидали дикарку!”<sup>7</sup>

Луиза сумела повести себя так, чтобы не дать повода придворным шутникам смеяться над заокеанскими незнайками, и все же, покидая дворец, она переживала, что прием прошел неудачно. Как выяснилось позже, ее вины в том не было – она всего лишь стала свидетельницей типичного поведения Марии Федоровны. Позже Джон Квинси обратил внимание на то, что императрица использовала любые уловки, чтобы продемонстрировать свое превосходство над собеседником. Сначала она забрасывала его вопросами, ответы на которые знала сама, а затем выслушивала со снисхождением, всем своим видом давая понять, что ничего нового ей не расскажут. В своем дневнике посланник, иронизируя над августейшими попытками выглядеть хорошо за чужой счет, писал: “Она напоминает мне персонаж из Мольера”<sup>8</sup>.

Надо заметить, что императрица-мать пользовалась в Петербурге большим влиянием. Ее официальные прерогативы были шире, чем у государыни Елизаветы. Среди знати возникло негласное правило: тем, кто не хотел попасть в “черный список”, следовало раза два в месяц ездить в Павловск на поклон<sup>9</sup>. Г-жа Адамс понимала важность посещения мероприятий у Марии Федоровны, однако из-за дороговизны жизни в городе на Неве, обостренной кризисом, не могла позволить себе каждый раз шить новое платье. Между тем ей довелось слышать, как жестко императрица отчитала даму, явившуюся в наряде, который уже надевала. Дабы не уронить достоинство миссии США, г-жа Адамс предпочла отказаться от участия в празднике у Марии Федоровны, чем прийти туда не в специально сшитом для такого случая платье. Сказавшись больной, она провела вечер у подруги. Жена посланника не представляла, насколько хорошо Ее Величество осведомлена обо всем, что происходит в столице. Очень скоро стало известно, что “за неуважение” императрица грозилась наказать Адамс, применив меры, принижающие статус посольской четы. “Подобное не должно повториться, иначе в следующий раз меня не позовут”, – взволнованно писала Луиза<sup>10</sup>.

Записи Луизы и Джона Квинси Адамсов содержат любопытные штрихи к портрету матери Александра I. Суждения историков о ней неоднозначны. Некоторые полагают, что ее жесточайший надзор за соблюдением этикета проистекал из желания освободить сына от занятий дворцовой повседневностью, дать ему возможность работать над серьезными государственными делами. С другой стороны, не стоит забывать и слова Елизаветы о необычайном тщеславии свекрови. Они, конечно же, небезосновательны и во многом объясняют как любовь Марии Федоровны к церемониям, так и ее лидерство среди антигилбертских критиков. Свидетельства Адамс также подтверждают, что императрица была весьма тщеславна.

Промах с визитом к Марии Федоровне был лишь пунктом в длинном списке проблем, возникших у Адамсов по приезде в Россию. Семье посланника следовало не только достойно выглядеть при дворе, но и содержать резиденцию. Континентальная блокада ускорила рост цен на аренду жилья. Из-за нехватки средств Адамсам пришлось подыскивать скромные варианты. Дневники Луизы ценны тем, что помимо информации о знаменитых личностях и высшем свете они содержат редкие сведения о повседневном, непарадном Петербурге времен Александра I. Русские мемуаристы той эпохи большей частью делились впечатлениями о грандиозной стройке, которая шла в столице в первое десятилетие XIX в. Тогда были возведены многие здания, ставшие символами города. Для иностранцев же, вроде Адамсов, знакомство с Петербургом начиналось с гостиниц. Естественно, что именно они оставили яркие, порой удивительные зарисовки гостиничного быта. Первую ночь в отеле “Лондон” на Невском Луиза

<sup>7</sup> Adams L.C. *The Adventures of a Nobody – Diary and Autobiographical Writings of Louisa Catherine Adams*. V. 1778–1815. Ed. by J. Graham et al. Cambridge (Mass.), 2013, p. 298.

<sup>8</sup> *Memoirs of John Quincy Adams*, p. 218–219.

<sup>9</sup> *Rey M.-P. Alexander I. The Tsar Who Defeated Napoleon*. DeKalb, 2012, p. 92.

<sup>10</sup> Adams L.C. *Op. cit.*, p. 305.

провела без сна, отгоняя крыс от кровати ребенка. Из “каменного мешка” посланник перевез семью в отель “Бордо”, где часто жили члены дипкорпуса.

Итальянец Федерико Фаньяни, поселившийся в этом отеле в 1810 г., когда Адамсы уже съехали оттуда, был потрясен обшарпанными стенами и отсутствием элементарно необходимой мебели. Ему показали номер, который освободил один из иностранных послов. На вопрос, почему хозяин-француз не думает навести порядок, Фаньяни получил от него такое объяснение: “Состоятельные люди в России обычно путешествуют в сопровождении... своих рабов, а те... за пару недель... настолько испачкают и переломают всю мебель, что пользоваться ею дальше уже невозможно. Представляете... что бы я зарабатывал тут, если бы обставил гостиницу множеством хорошей мебели”<sup>11</sup>. Хозяин лукавил. Мебель для номера посла предоставляли по отдельному договору. Правда, она тоже была из лапки старьевщика.

Луизу Адамс больше всего раздражали тонкие гостиничные стены. Соседи знали друг о друге практически все. Стоило Луизе, обладавшей замечательным голосом, запеть дуэтом с сестрой, как из апартаментов справа раздавались аплодисменты. Сосед слева тоже немало смущал американок. Каждый день им приходилось выслушивать, как проходит процесс его одевания, сопровождавшийся подробными инструкциями слуге. Инструкции эти, на французском языке, неизменно заканчивались руководством по наложению румян<sup>12</sup>.

В Петербурге на широкую ногу жил по приказу Наполеона только французский посол Арман де Коленкур. Достойные резиденции имелись у редких счастливцев, вроде баварца де Брэ. Большинство же дипломатов, в том числе и Дж. К. Адамс, получали скромное жалование. Их быт не мог соответствовать высокому статусу, и приходилось просто “подтягиваться” там, где возможно. Козырем американцев оказался их повар. Петербург начала XIX в. был еще и столицей гурманов. Изысканный стол ценился здесь очень высоко, обеспечивая высокий статус, вес в обществе. Имея простую обстановку, но одновременно прекрасного повара, человек мог претендовать на репутацию солидного господина<sup>13</sup>. Ценились специалисты по любой кухне, однако особым шиком считалась французская. Адамсы всегда нанимали поваров, которые готовили именно французские блюда. Как пишет Луиза в своем дневнике, сие обстоятельство ее весьма обнадеживало, но вместе с тем предстоявшие ей приемы служили поводом для бесконечных взволнованных нотаций консула миссии США с 1803 г. Левета Гарриса, ревностного поборника репутации г-жи Адамс.

Считая себя знатоком Петербурга, Гаррис взял за правило читать Луизе наставления о местных традициях – длинные, нудные и явно неуместные по отношению к опытной жене дипломата. Их можно было воспринимать только с чувством юмора, что и отличает дневниковые записи Луизы на эту тему. Именно как курьез описывает она ужин в маленьком доме на Мойке, куда Адамсы перебрались из отеля “Бордо”. На вечер собрались человек 15–20, включая полубившихся Луизе графиню С.В. Строганову, сестер Коломби и семью Бетанкуров<sup>14</sup>. Мистер Гаррис, очевидно, рассчитывал на образцово показательное застолье, но вышла накладка. “К несчастью для Гарриса, – шутливо рассказывает Луиза, – повар забыл про суп. Мы танцевали до часа ночи, но его (консула. – С.П.) ужас так и не смог быть преодолен”<sup>15</sup>. В следующий раз все

<sup>11</sup> Фаньяни Ф. Письма из Петербурга: 1810–1811. СПб., 2009, с. 247.

<sup>12</sup> Adams L. C. Op. cit., p. 319.

<sup>13</sup> Лаврентьева Е.В. Культура застолья XIX века. Пушкинская пора. М., 1999, с. 38.

<sup>14</sup> Мария Коломби была женой испанского консула. Августин де Бетанкур являлся талантливым инженером и ученым. Во многом благодаря его стараниям в Петербурге был учрежден Институт корпуса инженеров путей сообщения, открывшийся в 1810 г. О Бетанкуре подробнее см. Егорова О.В. Августин де Бетанкур – выдающийся инженер, ученый, создатель Московского Манежа. – Новая и новейшая история, 2009, № 6.

<sup>15</sup> Adams L. C. Op. cit., p. 331.

прошло идеально: “Танцевали до часу ночи. Ужин... и суп”<sup>16</sup>. Известие о том, что у посланника США хорошо кормят, распространилось, и Луиза уже кратко замечает: “Несколько джентльменов пришли у нас пообедать – у нас хороший французский повар, и они всегда готовы”<sup>17</sup>.

То, что Адамс пережила первые испытания Петербургом, сохранив чувство юмора, делает ей честь. Однако истинной проверкой американки на прочность стала необходимость установить, а затем поддерживать добрые отношения с императором, который слыл среди современников человеком-загадкой. Некоторые считали царя, восшедшего на трон после непопулярного Павла I, благодетелем. По мнению других, он был деспотом и лжепатриотом.

К Адамсам монарх с первых встреч отнесся крайне милостиво, и это сразу же стало темой для пересудов. Даже по признанию сотрудников миссии США, Джон Квинси, несмотря на свой послужной список, искусством общения не блистал<sup>18</sup>. Неискушенным царедворцам оставалось только удивляться, как такой человек сумел расположить к себе Александра. Более опытные понимали подоплеку монаршего расположения: внимание к американцам должно было сигнализировать Парижу о смене вектора российской политики. Кроме того, царь был достаточно образован, чтобы оценить энциклопедическую эрудицию Адамса. Так или иначе, Луиза оказалась в эпицентре обсуждений и интриг, связанных с возвышением американской миссии. Ее дневники содержат любопытные характеристики Александра I – человека и политика.

Выросши под крылом Екатерины II, Александр ценил роль женщин в салонной дипломатии: их способность быть союзниками, врагами, источниками информации. При его дворе, в духе времени, состояли “танцующие машины” – молодые люди приятной наружности, чьей задачей было следить за дамами, оказывать им на балах знаки внимания и собирать полезные сведения<sup>19</sup>. Сам монарх нередко тоже выступал прельстителем (как его называл М.М. Сперанский) по отношению к тем, чье расположение требовалось ему в политических целях. С союзницами он флиртовал, дарил им экзотические зимние фрукты, ухаживал на балах, порой балансируя на грани приличия. Женщин семьи Адамс царь вовлек в игру, которая наряду с милостью к Джону Квинси публично демонстрировала, что посол Франции утратил статус фаворита. Объектом интереса царя стала сестра Луизы Кэтрин Джонсон. Луиза, по ее собственному выражению, чуть не оказалась “дуэньей”.

В Россию Кэтрин поехала по совету Абигайл Адамс, решившей, что невестке обязательно нужна компаньонка<sup>20</sup>. Император заметил Кэтрин на прогулке. Совершая регулярный моцион по набережной Невы и Фонтанки, он часто останавливался побеседовать с дипломатами, чиновниками, любезничал с дамами. Его интерес к Кэтрин стал поводом для шуток, а затем беспокойства в миссии США. Уильям Смит, Александр Эверетт и Фрэнсис Грей посчитали, что настойчивость августейшей особы создаст и девушке, и ее возможным женихам одни сложности<sup>21</sup>. Ситуация настораживала и Луизу. По приезде в Петербург она внимательно наблюдала за нравами двора, монарха, высшего света. Многие из того, что для них было обыденным, она нашла неприемлемым и чересчур вольным.

<sup>16</sup> Ibid., p. 335.

<sup>17</sup> Ibid., p. 347.

<sup>18</sup> Помощник Адамса Джон Спир Смит назвал посланника “сибирским немцем”. – *Heffron M. Louisa Catherine: The Other Mrs. Adams*. New Haven, 2014, p. 205.

<sup>19</sup> Подобными осведомителями при дворе Александра пользовались и иностранные представительства. Например, сардинский посланник Жозеф де Местр в письме от 19 августа 1803 г. просил короля Виктора Эммануэля I прислать ему молодого секретаря, умеющего танцевать и вести светские беседы, дабы тот “послужил бы мне информатором при женщинах, чтобы узнавать секреты их мужей”. Цит. по: *Heffron M. Op. cit.*, p. 204.

<sup>20</sup> Ibid., p. 202.

<sup>21</sup> *Adams L. C. Op. cit.*, p. 316.

Особенно не нравились ей праздники с переодеванием в одежду противоположно-го пола. Однажды в январе 1810 г. Адамсы ездили на вечер к Коленкуру, где собралось более 50 гостей. Кроме катания на санях главным развлечением был котильон, который дамы и кавалеры танцевали, обменявшись платьем. Луиза решила не участвовать и тем сразу же привлекла внимание. “Голландский посланник мистер Сикс, – пишет она, – прокомментировал этот поступок так, чтобы другим дамам он стал неприятен. Мое положение было очень неловким”<sup>22</sup>. Сама того не ведая, Луиза пренебрегла традицией, сложившейся еще со времен Екатерины II. Императрице принадлежала идея проведения в Малом Эрмитаже маскарадов, на которых дамам полагалось облачаться в мужские костюмы, а кавалерам – в дамские<sup>23</sup>. Культуролог и литературовед Ю.М. Лотман заметил, что именно такие мероприятия, с элементом риска, приобрели в Петербурге особую популярность. Дворянскому обществу они служили своего рода отдушиной, возможностью на время забыть о регламентации жизни, налагаемой чиновом, о требованиях придворного этикета<sup>24</sup>. Записки Адамс свидетельствуют, что такие маскарады действительно были популярны в столице Александра I, и о том, что Коленкур выбирал развлечения в местном вкусе.

Не нравилось Адамс и то, сколь откровенно, по ее мнению, влиятельные особы Петербурга являли свету своих любовниц, а члены дипкорпуса порой брали с них пример. В гостях у того же Коленкура Луиза имела случай наблюдать, как его замужняя пассия выступала хозяйкой вечера. «Вечер прошел в узком кругу, лишенный каких-либо церемоний, но я была чужда этому обществу и “не могла поступать так, как поступает Рим”. Любовница посла была скандально известна, и я не могла ни уважать эту даму, ни восхищаться ею. Этот круг почти безграничного волокитства не соответствовал моим представлениям о приличиях»<sup>25</sup>, – так описывает она свое отношение к подобным вечерам.

Естественно, г-жа Адамс не хотела, чтобы внимание императора к Кэтрин породило кривонолки. Сестры на время прекратили прогулки. Когда же прогулки возобновились, Александр затеял с американками игру, которую Луиза в итоге расценила как политическую. Будучи учеником республиканца Лагарпа, царь умел общаться с представителями республик в соответствующем демократическом стиле. И все же, разговаривая с сестрами Адамс, он исподволь всячески старался подчеркнуть, что является самодержцем и требует подчинения. Историки часто цитируют мемуары г-жи Шуазель-Гуфье, где рассказывается о том, как ореолом своей власти Александр покорял дам польского общества<sup>26</sup>. Однако американок этот прием не впечатлил. Обладая цепким умом, Луиза легко распознавала маневры и уловки царя. Ее записки контрастируют с мемуарами Гуфье. В них Александр Павлович предстает человеком, который может ошибаться, имеет слабости, подчас выглядит комично или совершает действия, недостойные джентльмена.

Итак, при встрече с царем после устроенного Адамс перерыва – на прогулке весной 1810 г. – тот объявил, что впредь ожидает видеть дам ежедневно. “По своей манере и тону это был настоящий императорский приказ”, – решили женщины, о чем и поведали в представительстве<sup>27</sup>. Посольским такое обращение царя с гражданками США не понравилось, и они выразили пожелание, чтобы Луиза и Кэтрин в дальнейшем воздерживались от моциона. Луиза их совету не последовала, однако вскоре, будучи на

<sup>22</sup> Ibid., p. 308; *Palmer A.* Op. cit., p. 185–186. Г-н Адамс благополучно играл весь вечер в вист.

<sup>23</sup> *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994, с. 101.

<sup>24</sup> Там же, с. 100–102.

<sup>25</sup> *Adams L.C.* Op. cit., p. 303.

<sup>26</sup> *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об Императоре Александре и его дворе. М., 2007.

<sup>27</sup> *Adams L.C.* Op. cit., p. 316.

набережной с Кэтрин и У. Смитом и издали заметив императора, она сразу же позвала карету, и американцы ретировались. Оказалось, что Александр тоже их заметил и при ближайшей встрече повторил свое распоряжение уже в более жесткой форме. Молодых сотрудников миссии это сильно “разозлило”, хотя, как шутливо заметила Луиза в дневнике, ими скорее двигала мужская ревность, нежели республиканская гордость<sup>28</sup>.

О том, какую роль предстояло сыграть Кэтрин на “дипломатической сцене”, выяснилось на балах. Не жена посла, а лишь свояченица, она не была представлена при дворе, но на официальные мероприятия выезжать ей полагалось. Луизу это беспокоило по ряду причин. Прежде всего потому, что в интересах имиджа миссии Кэтрин тоже должна была выглядеть достойно. А средств на туалеты не хватало и самой Луизе. Не говоря уже о бриллиантах! Как на грех, Адамсы оказались в Петербурге в период расцвета бриллиантовой моды. После Французской революции бриллианты французской аристократии стали оседать на петербургском рынке, и цены на них упали на 30%. В 1810-х годах украшения столичных дам искрились, как никогда<sup>29</sup>. Такому блеску драгоценных камней сестры Адамс соответствовать не могли. Отчасти выручил мистер Гаррис, подаривший сестрам великолепные турецкие шали. При мысли, что американки пойдут на бал без аксессуаров, он “испытывал агонию”<sup>30</sup>. Луиза волновалась и из-за того, что сестра, воспитанная скорее по-американски, чем по-европейски, мало что знала об аристократических и придворных традициях, правилах поведения в высшем свете. А как жесток Петербург к тем, кто своей неловкостью привлекал всеобщее внимание, американки однажды увидели в гостях у Коленкура, когда дочь министра финансов Мария Гурьева упала во время танца, увлекая за собой партнера. Вместо того чтобы спокойно подняться, она растерялась. Кавалер счел себя в праве высказать ей свое презрение, громко бросив: “Ну же! Вставайте и не стройте гримас!”<sup>31</sup> С пола девушки помогли подняться мать и г-жа Адамс.

Незнание Кэтрин правил этикета сказалось сразу же, как только на балу сестры вновь попали в орбиту внимания императора. В XIX в. балы, на которых присутствовал царь, начинались полонезом с его участием: монарх вместе с выбранной им дамой вставал во главе колонны танцующих и вел их за собой – как вел за собой все государство<sup>32</sup>. Обычно его партнершей бывала одна из самых почтенных дам, и это являлось свидетельством ее статуса. В мае 1810 г. на балу в честь свадьбы Наполеона и Марии Луизы Австрийской Александр танцевал полонез с г-жой Адамс. Луиза сочла, что царь выбрал ее потому, что “желал познакомиться с [ее] сестрой, и честь, оказанная [ей], открывала к этому путь”<sup>33</sup>. Александр, пишет Адамс, пытался очаровать ее, но в отличие от большинства мемуаристок признается, что попытка вышла неловкой. Монарх страдал глухотой. У Адамс в это время была простуда, тоже ослабившая слух. Партнеры объяснялись жестами. После танца царь задержал Луизу для разговора. Поскольку остальные пары уже покинули место для танцев, император и жена посланника США оказались у всех на виду. На следующий танец Александр пригласил Кэтрин. Не зная правил, та повела себя по местным понятиям скандально: обращалась к императору первой, живо смеялась, словом, делала то, что в петербургском высшем свете считалось немыслимым. К ужасу Луизы, все взоры обратились к ее сестре. Александр же продлил танец на 25 минут. Случай был исключительный, и по залу пронесся “гул

<sup>28</sup> Ibid., p. 331–333, 316.

<sup>29</sup> При этом в 1810–1812 гг. “знаменитый петербургский ювелир Теннер, сделавший ризу на образ Богоматери в Казанский собор, был завален заказами для высшей аристократии”. См. *Северцев Г.Т. (Поливанов) С.-Петербург в начале XIX века. – Чувствительные путешествия и прогулки по Невскому проспекту. Сост. А.М. Конечный. СПб., 2009, с. 236.*

<sup>30</sup> Adams L.C. Op. cit., p. 302.

<sup>31</sup> Ibid., p. 312.

<sup>32</sup> *Захарова О. Русский бал XVIII – начала XX века: танцы, костюмы, символика. М., 2011, с. 106.*

<sup>33</sup> Adams L.C. Op. cit., p. 318–319.

изумления”<sup>34</sup>. А жена посланника Баварии впала в такое расстройство от того, что царь проигнорировал ее, что даму пришлось успокаивать. Приезд американок на бал превратился в спектакль.

Подобное повторилось, когда американцев пригласили на званый ужин во дворец. Александр устроил вокруг г-жи Адамс, находившейся тогда в тягости, невообразимую суету: приставил к ней телохранителя, дабы она не пострадала в толпе гостей, усадил отдыхать рядом с императрицей, подходил узнать, всё ли в порядке. Далее было объявлено, что мисс Джонсон может считать себя представленной при дворе. Когда это произошло, французский посол демонстративно уехал. “У Коленкура случился приступ головокружения, – сообщает Луиза, – и он немедленно покинул зал”<sup>35</sup>. Даже не зная всех тонкостей русской дипломатии, она догадалась, что, проявляя исключительное внимание к Кэтрин и к ней самой, царь разыгрывал некую политическую комбинацию.

Действительно, памятный бал и ужин случились в период обострения отношений Петербурга с Парижем. Александр I был разгневан не только польской политикой Наполеона, но и обстоятельствами его брака. В конце 1809 г. Наполеон посватался к великой княжне Анне. Это страшно оскорбило Марию Федоровну, заявившую, что согласиться, значит, отдать дочь “человеку подлой натуры”<sup>36</sup>. Фронда под руководством государыни-матери вновь обвинила царя в попустительстве французу. Когда же обнаружилось, что Париж вел переговоры о невесте одновременно и с Петербургом, и с Веной, это возмутило и Александра. Официально претензий по поводу австрийской невесты Петербург предъявить не мог<sup>37</sup>. Царь выказал недовольство иначе – лишил французского посла былой благосклонности. Из лидера дипкорпуса тот превратился в человека, чья “привилегия” теперь состояла в том, чтобы тратить деньги на увеселения русской знати. История, рассказанная Луизой Адамс, показывает, как умело проводил самодержец салонные маневры. Уделив исключительное внимание американцам на балу, устроенном Коленкуром в честь свадьбы Наполеона, Александр смешал французу все карты: вместо праздника, прославляющего императора Франции, получилось американское шоу.

Луиза всегда записывала впечатления об Александре I корректным языком. Но няня ее сына Марта Годфри, очевидно, услышав случайно оброненное кем-то нелестное замечание о царе, в своем письме в США высказалась о нем “весьма оскорбительно”<sup>38</sup>. Так Адамсы столкнулись с еще одной стороной российской реальности – вездесущей цензурой. О почтовой цензуре посольские американцы знали, однако они были уверены в тайне своей переписки, поскольку император предоставил им услуги личного курьера. Как оказалось, Александр читал содержимое американских пакетов и даже не считал зазорным в этом признаться. В декабре 1810 г. Луизу в качестве посредницы посетила г-жа Крамер, дабы сообщить, что монарх ознакомился с письмом Годфри и остался им крайне недоволен. Наказанием няне был вызов во дворец вместе с маленьким Чарльзом, сыном Адамсов. Августейшие особы хотели таким образом как следует напугать ее. Луиза встала на защиту прислуги и попросила передать царю, что его поведение недостойно джентльмена. “Я заметила, – рассказывает она в дневнике, – что со стороны Его Величества весьма неблагородно после того, как он предложил отправлять нашу корреспонденцию личным и особым курьером, использовать эту возможность против нас... Я знала, что она (Крамер. – С.П.) повторит это императору”<sup>39</sup>.

Волей монарха в драму взрослых оказался вовлечен трехлетний Чарльз, ездивший с Годфри во дворец. Но это был единственный случай, когда Александр использовал

<sup>34</sup> Ibidem.

<sup>35</sup> Ibid., p. 335–336.

<sup>36</sup> Цит. по: *Palmer A.* Op. cit., p. 187.

<sup>37</sup> Ibid., p. 188.

<sup>38</sup> *Adams L.C.* Op. cit., p. 332.

<sup>39</sup> Ibidem.

малыша в своих дипломатических играх. Обычно тот посещал царский дворец, балы и праздники вместе с родителями и с их полного одобрения. Записи Луизы об этих поездках содержат сведения о жизни маленьких знатных петербуржцев и подтверждают мнение историков детства о том, что современные представления о детстве получили распространение в начале XIX в. Именно тогда во многом под влиянием идей Просвещения XVIII в. начали формироваться взгляды на ребенка не как на маленького взрослого, а как на человека, находящегося на начальном этапе развития, которому требуется особое внимание. По крайней мере в обеспеченной среде нормой стали специально адаптированные для детей одежда, книги и игры, а также игрушки<sup>40</sup>. Адамс запечатлела любовь петербуржцев к детским игрушкам. На балах, где бывал Чарльз, их дарили малышам посредством веселой игры-лотереи. Правда, американский посланник не разрешал участвовать в ней своему сыну. Уверенный, что госслужащему не следует брать подарков, Адамс не принимал даже сувениров<sup>41</sup>. Исключением стал тот случай, когда он позволил жене и свояченице принять от Гарриса в подарок турецкие шали. Чарльза потихоньку уводили с бала, как только начинались приготовления к лотерее. Но в общем детские балы столицы забавляли посольскую чету. Луиза с любопытством наблюдала, как петербургские дамы – “при полном параде”, сверкающие бриллиантами, – лично приглядывали за своими отпрысками, стоя за спинками их стульев весь ужин. А ее мужа, скучавшего на взрослых балах, забавляло поведение мужчин. В своих воспоминаниях он отмечал, что “больше всех (детским ужином. – С.П.), похоже, наслаждался австрийский представитель граф Сен Жюльен, старый повеса, желания которого надолго пережили его способности. Он сказал мне, что хочет стул на колесиках, чтоб ездить по залу от дамы к даме и флиртовать с ними всеми”<sup>42</sup>.

Рождение дочери 11 августа 1811 г. стало радостным событием в семье Адамсов. Джон Квинси шутил в письме к матери, что климат на Неве не так холоден, раз в нем смогла появиться на свет американка<sup>43</sup>. Посольская чета не боялась растить девочку в столице России. Однако петербургский климат оказался губительным для малышки: осенью 1812 г. она умерла. Эта трагедия тяжелейшим образом сказалась на г-же Адамс. Ее дневниковые записи прерываются 12 сентября короткой фразой: “Мое дитя вознеслось на небеса”<sup>44</sup>.

Таким образом, свидетельства Луизы Адамс о Романовых и их окружении логического завершения не получили, но незавершенность “Приключений” нисколько не умаляет их ценности. Разумеется, для историка, скрупулезно занимающегося деталями дипломатических переговоров Александра I, они не предложат нового ресурса. Однако тем, кто интересуется личностью русского царя – дипломата и человека, “Приключения” предоставляют возможность узнать о нем больше. Записи американки значимы потому, что она оценивала Александра взвешенно, отмечая многогранность его характера. Согласно ее наблюдениям, он был способен на благородство, но даже в его благородных поступках нередко было двойное дно. Дневники Адамс подтверждают, что внук Екатерины II являлся салонным политиком до мозга костей. Интересны рассказы Луизы и о встречах с такой противоречивой персоной, как Мария Федоровна. Но подлинной “изюминкой” “Приключения” станут для специалистов, изучающих культурные аспекты истории Петербурга и жизни в нем иностранцев.

“Приключения Никого” Л. Адамс изобилуют информацией, способной дополнить и расширить представления историков, касающиеся разнообразных аспектов александровского правления и петербургской повседневности. Эти записки должны занять достойное место среди источников по истории России XIX в.

<sup>40</sup> См. главу “Женский мир” в книге Ю.М. Лотмана “Беседы о русской культуре”.

<sup>41</sup> *Memoirs of John Quincy Adams*, p. 332.

<sup>42</sup> *Ibid.*, p. 223.

<sup>43</sup> Цит. по: *Shepherd J. Cannibals of the Heart. A Personal Biography of Louisa Catherine and John Quincy Adams*. New York, 1980, p. 163.

<sup>44</sup> *Adams L.C. Op. cit.*, p. 355.